Г.В.Лысенко,
кандидат исторических наук, доцент

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ

Общество как социальная система представляет собой совокупность коммуникаций: вне коммуникации общества не существует[1]. В этом контексте взаимодействие власти и общества может рассматриваться как система коммуникативных практик и дискурсов. Понятие коммуникации не сводится к понятию коммуникативного действия Ю.Хабермаса и не подразумевает движения к консенсусу.

Н.Луман утверждает, что коммуникация невероятна. Во-первых, невероятно то, что один индивид вообще понимает то, что подразумевает другой, так как имеет место автономия и индивидуализация их сознания. Во-вторых, невероятно, что коммуникация достигнет большего числа людей, чем относящихся к конкретной ситуации: система взаимодействия участников отдельной ситуации всегда гарантирует их практически полное внимание к коммуникации, но она разрушается, если предметом коммуникации становится нежелание ее продолжать. В-третьих, невероятность ее успеха: даже если коммуникация будет понята, это еще не означает, что она будет принята[2]. Вместе с тем социальная система не может возникнуть без коммуникации, поэтому возникновением социальных систем управляют невероятности процесса коммуникации, способы их преодоления и трансформации в вероятность. При этом социокультурные изменения трактуются как преобразование и увеличение возможностей перспективной коммуникации, вокруг которой общество создает свои социальные системы. Это селективный процесс развития, определяющий возможные виды социальных систем и исключающий невероятные.

В коммуникации осуществляется кодирование/декодирование смыслов. Согласно Луману, общество – это «аутопойетическая» система смысловых коммуникаций: дестабилизация возникает тогда, когда вместо согласия участников общения налицо разногласие, декодиро-

[1] *Луман Н.* Понятие общества // Проблемы теоретической социологии / Под. ред. А.О.Бороноева. СПб., 1994. С. 31.
[2] *Луман Н.* Невероятность коммуникации // http://www.soc.pu.ru

ванный смысл не совпадает со смыслом, который был закодирован. Совпадение/несовпадение смыслов означает принятие/отклонение коммуникаций и определяет степень конфликтности общества. Коммуникационные сети в современных сегментированных обществах имеют сложный многоуровневый характер, и невозможно создать единую картину мира. Все социальные системы потенциально конфликтны и отличаются лишь степенью актуализации конфликтного потенциала[1].

Отбор определенных способов действования происходит в результате взаимодействий, формой упорядочения которых является смысл. Смыслообразующими категориями могут быть невербализованные ценностные ориентации, нормы поведения, моральные символы и схемы интерпретации. Для обозначения этих категорий ученые пользуются различными терминами: Э.Дюркгейм – «коллективные представления», М.Вебер – «легитимация», Г.Лассуэлл – «символы власти», К.Манхейм – «идеология»[2]. По мнению К.Манхейма, социальные элиты, эффективно используя систему символического конструирования мира, обеспечивают свое институциональное господство. Трактуя власть как особого рода направляющую коммуникацию, Н.Луман подчеркивает, что власть органически соединена со свободой коммуницирующих агентов. «Власть становится более могущественной, если она оказывается способной добиваться признания своих решений при наличии привлекательных альтернатив действия или бездействия. С увеличением свобод подчиненных она лишь усиливается»[3]. Власть, использующая принуждение, отказывается «от преимуществ символической генерализации», от управления «*селективностью* партнера»[4].

Принятие/непринятие участниками общения системы кодов конструирования социального мира определяет степень стабильности/не-стабильности общества. Потенциальная конфликтность, неопределенность и функциональная дифференциация, характерные для современного общества, определяют значимость категории «доверие».

Доверие: сущность понятия

Интерес ученых к теме доверия возникает в условиях распада аскриптивных идентичностей, общностей, основанных на родствен-

[1] См.: *Луман Н.* Власть М., 2001. С.13.
[2] *Миллс Ч.* Социологическое воображение М., 2001. С. 38.
[3] *Луман Н.* Власть М., 2001. С.18.
[4] Там же.

ной и дружественной преданности, на приверженности территориальным и местным обычаям. Доверие представляет собой феномен эпохи модерна, что связано с сокращением непосредственных связей между индивидами во времени и пространстве, недостатком информации, непредопределенностью последствий. Социальное поведение в мире модерна не сводится к рациональности или целесообразности, а в зависимости от социокультурного контекста содержит культурные конструкты, «социальное – а значит, и моральное поведение сосуществует с рациональным стремлением к максимизации полезности…»[1].

В современной России, переживающей сложные трансформационные процессы и очередную административную реформу, проблема доверия граждан к социальным институтам и институциональным субъектам как фактор стабильности общества приобретает особую актуальность.

Социологическая традиция исследования категории доверия берет начало от идеи Э.Дюркгейма о существовании «договорного» элемента, взаимного доверия, основывающегося на общей вере в личную совесть**.** Дюркгейм полагает, что предпосылкой социального порядка и интеграции в современном обществе, основанном на разделении труда, является согласованность изначальных ценностей его членов. Это определяет предсказуемость поведения другого человека, порождая доверие и сотрудничество между разными индивидами. Иными словами, доверие трактуется как понимание мотивов и действий другого. При этом доверие как характеристика межличностного общения и предпосылка формирования малых групп дополняется понятием деперсонализированного доверия.

Ф.Теннис очерчивает различение двух типов доверия. Так, если в Gemeinschaft доверие является продуктом отношений личной дружбы или знакомства, то Gesellschaft характеризуется безличностным доверием, которое складывается в результате растущей экономической взаимозависимости и профессионализации. Выполнять взятые на себя обязательства даже ненадежных людей заставляет либо личный интерес, либо люди доверяют профессионализму, квалификации, компетенции незнакомых им лично людей, таких, например, как врачи или юристы. Сотрудничество в Gesellschaft'е в большей мере основывается на безличностном доверии[2].

М.Вебер рассматривает социальный порядок и процесс распределения (наделения) власти через понятие «легитимность». Социаль-

[1] *Фукуяма Ф.* Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 45.

[2] См.: *Теннис Ф.* Общность и общество // Социологический журнал. 1998. №3/4. С. 211.

ный порядок легитимен, когда участники отношений ориентируются на некие образцы поведения, которые считают «значимыми» для себя. Достижение интеграции предполагает использование символических ресурсов, обеспечивающих возможность направлять действия субъектов с минимальным использованием принуждения и насилия[1].

Природа социальных институтов связана с механизмами доверия к абстрактным системам. По мнению Э.Гидденса, в эпоху модерна социальная деятельность выходит за рамки локальных контекстов, создаются символические знаковые системы, идет процесс формирования экспертных систем. Поэтому в своих работах Гидденс большое внимание уделяет анализу таких категорий, как «доверие» и «риск», категория «риск» является обратной стороной доверия. Доверие предполагает преодоление опасности и создание безопасных условий существования человека в эпоху модерна. «Доверие может быть определено как уверенность в надежности некоторой личности или системы относительно данного комплекса последствий или событий, где эта уверенность выражает веру в честность или любовь другого лица или в правильность абстрактных принципов»[2].

Существует большое различие между доверием к людям и доверием к абстрактным системам. Первое строится на взаимности ответственности и соучастия. «То, что называется доверием (trust), соответствует… уверенности (confidence), с самого начала предполагает наличие взаимности; говоря об уверенности… имеем в виду… ощущение собственной надежности»[3]. В первом случае доверие персонифицировано и конкретно ориентировано. Второй тип доверия связан с категорией риска и природой современных институтов, с деятельностью которых человек связывает свое будущее. Доверие к институциализированным личностям и абстрактным системам обеспечивает надежность повседневной жизни, но не может заменить взаимности и интимности, которые дают личные отношения доверия. Согласно Гидденсу, доверие представляет способ стабилизации взаимодействия; именно оно структурирует взаимодействия между людьми, не имеющими непосредственного контакта, сглаживая различия поведенческих контекстов, вызванных удаленностью в пространстве и времени. Доверие как интегральная установка практического сознания организует и направляет действия людей в «обществе риска», тем самым доверие становится основным средством

[1] См.: *Вебер М.* Избранные произведения М., 1990. С. 636 – 643, 646 – 647.

[2] *Фурс В.Н.* Критическая теория позднего модерна Энтони Гидденса // http://www.nir.ru.

[3] *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структурации. М., 2003. С. 103 – 104.

формирования чувства онтологической безопасности в современную эпоху[1].

Н.Луман отмечает, что различие между понятиями «доверие» и «уверенность» проистекает из различия между риском и опасностью, между способами упорядочивания жизненных случайностей внутреннего и внешнего характера. Это различие он связывает с прогрессом в дифферен-циации системы, который превращает риск в специфический феномен современности и устанавливает различие между доверием к личности и уверенностью в институтах. Доверие по-прежнему остается жизненно важным в межличностных отношениях, но участие в функциональных системах, таких, как экономика, политика выходит за рамки личностных отношений и предполагает не доверие, а уверенность в исполнении правильного поведения. Уверенность является потоком ресурсов, системой и ее оперативным кодом, структурирующим и опосредующим. Доверие не предполагает возможности точного понимания или проверки другого, уверенность основывается на прошлом знании и возможности проверки в будущем или применения санкций за нарушение правил.

Н.Луман раскрывает смысл доверия через ценностно-рациональную схему ориентации на опережение, акцентируя внимание на специфических пространственно-временных аспектах легитимации, не сводимых к традиционно описываемой практике использования властью символических ресурсов: «Ценность ценности есть та позиция, исходя из которой наблюдают, требуют, ангажируются и обнаруживают себя способными к действованию». Ценности скрыты в коммуникации, они воспроизводятся и конденсируются через непрямую коммуникацию. При этом позиция «различения ценности и противоценности» в социальном взаимодействии сигнализирует о желании прояснить перспективы действия в условиях «неудовлетворительного состояния»[2].

Ценностно-нормативный фактор как условие доверия, отмечает Ф.Фукуяма, в его трактовке доверия: «Это ожидание, возникающее в рамках сообщества и состоящее в том, что другие члены этого сообщества будут демонстрировать правильное, честное поведение, выдержанное в духе сотрудничества, основанное на общепринятых нормах этого общества. Данные нормативные ожидания могут быть связаны как с глубокими ценностными вопросами... так и с нормами повседневной жизни»[3].

---

[1] *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структурации. М., 2003. С. 131

[2] *Луман Н.* Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социологос. Вып. 1. М., 1991. С. 206.

[3] *Фукуяма Ф.* Указ. соч. С. 52.

Доверие – разновидность социального капитала. П.Бурдье определял социальный капитал как «ресурсы, основанные на родственных отношениях и отношениях в группе членства»[1]. Д.Коулмен трактует понятие «социальный капитал» как потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, целерационально формируемый в межличностных отношениях: обязательства и ожидания, информационные каналы и социальные нормы[2]. По аналогии с физическим и человеческим капиталом, воплощенным в орудиях труда и обучении, социальный капитал содержится в таких элементах общественной организации, как социальные сети, социальные нормы, создающие условия для координации и кооперации ради взаимной выгоды. Социальный капитал – это «определенный потенциал общества… возникающий как результат наличия доверия между его членами»[3]. Состояние социального капитала соотносится с типом социальных связей, позволяя мобилизовать дополнительные ресурсы отношений на основе доверия людей друг к другу, тем самым сокращая издержки. Следовательно, социальный капитал – это возможность индивидов распоряжаться ограниченными ресурсами на основании своего членства в определенной социальной сети или социальной структуре. Способность к накоплению социального капитала не является индивидуальной характеристикой личности, а особенность той сети отношений, которую выстраивает индивид. Таким образом, социальный капитал можно определить как продукт включенности человека в социальную структуру. Именно социальный капитал превращает социальных акторов в сообщество, причем существует тесная связь между типом отношений в обществе и нормальностью функционирования социальной структуры. Основу ассоциативных связей составляет доверие. В этом случае доверие является универсальным символическим посредником, специфическим пространственно-временным интегратором социальных взаимодействий.

Доверие в системе «исполнительная региональная власть – общество»

В контексте проблемы доверия важнейшим аспектом является проблема институциональности.

В рамках структурного функционализма Т.Парсонс трактует социальные институты как особым образом организованные «узлы» социальных отношений. В общей теории действия социальные инсти-

[1] http://artpragmatica.ru/science/projects/9.
[2] См.: *Фукуяма Ф.* Указ. соч. С. 26.
[3] Там же. С. 52.

туты выступают и в качестве особых ценностно-нормативных комплексов, регулирующих поведение индивидов, и в качестве устойчивых конфигураций, образующих статусно-ролевую структуру общества. Р.Мертон под социальным институ-том понимал регулируемую и организованную форму деятельности людей, воспроизведение повторяющихся и наиболее устойчивых образцов поведения, привычек, традиций, передаваемых из поколения в поколение. В феноменологической трактовке социальный институт определяется как символ, используемый для описания группы общественных обычаев. Синтезирующие тенденции социологов второй половины XX в. выразил Н.Смелзер, по мнению которого социальный институт – это комплекс, охватывающий, с одной стороны, совокупность нормативно-ценностно обусловленных ролей и статусов, предназначенных для удовлетворения определенных социальных потребностей, с другой – социальное образование, созданное для использования ресурсов общества в форме интеракции для удовлетворения этой потребности[1].

В основе доверия граждан к институтам, в том числе политическим, лежит вера в равенство перед ними, которая предполагает кредит для партий и чиновников[2]. Доверие проявляется комплексно: к нормам, к правовой подотчетности власти, к идеологической «прозрачности» (оправданности верованиями) и к исполнению взятых на себя обязательств. Соответственно, недоверие может складываться из отсутствия институтов, устанавливающих «правила игры», безответственности власти, идеологического «вакуума», вседозволенности.

Отношение к различным социальным институтам формируется на основе прошлого опыта и знаний, точнее, системе значений, в которых индивид мыслит и воспринимает мир, происходящие события, а также стереотипов и установок, информации, транслируемой и воспринимаемой как на уровне межличностных отношений, так и массовой коммуникации. Отношение прямо или опосредованно отражает степень соответствия результатов деятельности социальных институтов и субъектов публичного пространства ожиданиям индивидов. В этом смысле оценка, независимо от степени ее объективности и достоверности, обладает аргументативной силой и является одним из факторов, определяющих принятие решений и модель поведения в отношении субъектов публичного пространства. Отношение имеет динамичный характер, под воздействием событий и новой аргументации оно подвержено изменениям.

---

[1] См.: *Смелзер Н.* Социология. М., 1994. С. 79 – 81

[2] См.: *Бурдье П.* Социология политики. М., 1993. С. 114.

Проиллюстрируем сказанное на примере определения уровня доверия к социальным институтам и руководителям региональных органов власти и управления Волгоградской области. Эта работа осуществлялась в два этапа*. На первом этапе были проведены фокус-группы, в ходе которых были выявлены конструкты, выражающие отношение к органам власти и управления, к институциональным субъектам. Выявленные конструкты – суждения фиксируют отношения населения к соответствующим институализированным субъектам и социальным институтам.

В оценке ситуации в регионе респонденты в большей степени ориентируются на структуры исполнительной власти, чем законодательной. В апреле 2004 г. 27,2% опрошенных считали Волгоградскую областную Думу несамостоятельной структурой, утверждая, что представительный орган власти ничего не решает, поскольку все решения принимаются губернатором и администрацией области. Заявленная респондентами значимость данной структуры определила целесообразность исследования отношений в системе «исполнительная власть и общество». 44,2% респондентов отметили, что Администрация области в той или иной мере заслуживает доверия, 40,9% участников опроса выразили ту или иную степень недоверия к ней, 15% «затруднились ответить». Пожилые участники опроса в большей степени доверяют региональной власти. В среде наиболее активной и дееспособной части населения 18 – 45 лет доля граждан, демонстрирующих доверительные отношения к Администрации, составляет 35% против 50% в старшей возрастной группе.

Оценка основных направлений деятельности администрации Волгоградской области

Опрос фиксирует низкую оценку респондентами региона деятельности исполнительного органа власти в экономической сфере. В мае 2004 г. лишь 18,1% полагали, что администрация Волгоградской области обеспечивает рост промышленного производства. Участники опроса областного центра и города Волжский более критично оценили деятельность региональной структуры власти.

---

* Исследования были проведены Научно-исследовательским центром Волгоградской академии государственной службы. Фокус-группы были проведены в апреле, опросы в мае и сентябре 2004 г., методом формализованного интервью (face-to-face) по месту жительства респондентов. Выборка квотная, репрезентирующая взрослое (в возрасте 18 лет и старше) население региона по значимым характеристикам (пол, возраст, образование, тип места проживания). Общий расчетный объем выборки составлял 1000 респондентов, максимальная статистическая погрешность выборки составляет 3%.

Отношение населения региона к Администрации области формируется на основе представлений об «идеальной» власти, обладающей желаемыми характеристиками. Атрибуты «идеальной» власти формируются в сознании индивидов, передаваясь в процессе социализации. Их происхождение носит социальный характер, отражая традиции общества и базовые потребности человека. Патерналистская модель взаимоотношения граждан и власти нашла отражение в категориях, выявляющих оценку респондентами деятельности региональной исполнительной власти, направленной на решение социальных проблем. В мае 2004 г. 30,6% респондентов полагали, что исполнительная региональная власть повышает материальное благосостояние простых людей, 25,7% опрошенных отметили, что деятельность властной структуры способствует социальной защищенности малоимущих, 13,2% участников опроса указали, что власть поддерживает интересы простых людей. Каждый десятый респондент считает, что Администрация создает условия для изменения жизни в лучшую сторону.

Усилия Администрации по организации и проведению мероприятий, связанных с празднованием годовщины Сталинградской битвы и победы в Великой Отечественной войне, по созданию символов, позиционирующих регион и формирующих региональную идентичность, не находят отклика в сознании жителей области. Лишь 8% респондентов указали, что деятельность института власти направлена на формирование образа славного героического прошлого области. Это скорее характерно, по мнению 27,2% респондентов, для СМИ. Неэффективность деятельности по позиционирос ванию региона и патриотическому воспитанию населения определяет необходимость формирования системы символов, связанных не только с военным прошлым, но и уникальностью области. На наш взгляд, одним из направлений в создании брэнда региона может стать его территориальная самобытность. Географические образы как совокупность знаков, символов, ключевых представлений конструируются на основе географических и парагеографических (исторических, культурологических и др.) понятий. Наличие географического образа фактически маркирует регион, его отсутствие или слабая выраженность говорят о несформировавшемся региональном самосознании. Репрезентирование географических образов осуществляется как в системе межличностного общения, так и с использованием СМИ. Однако анализ региональных массмедиа позволяет отметить, что медийные тексты крайне редко содержат топонимы и гидронимы как символы.

Администрация региона осуществляет управление учреждениями социальной сферы, которые в совокупности образуют систему усло-

вий удовлетворения жизненных потребностей населения. Обеспечивая содержание и развитие материально-технической базы этих учреждений, создавая благоприятные условия для их деятельности, исполнительная власть способствует эффективному решению ими своих задач. Однако по результатам опроса такие конструкты, как доступное медицинское обслуживание, образование, в минимальной степени (3%) ассоциируются с деятельностью областной Администрации. При этом безусловными приоритетами в глазах населения являются хорошее образование и медицинское обслуживание, именно эти направления деятельности губернатора и регионального органа власти представляются респондентам как первоочередные.

Доминирующими являются отрицательные оценки исполнительного органа власти. 30,5 % опрошенных полагают, что в результате деятельности Администрации области усиливается расслоение общества, растет коррупция (28%), цены на товары, услуги и квартплату (21,8%), усиливается борьба за власть (21,2%), растет безработица (17%). Проблема безработицы в большей степени волнует респондентов с высшим образованием (эту позицию отметили 23,2% против 8,9% респондентов с начальным и неполным средним образованием). Значительное число вузов и филиалов, осуществляющих подготовку специалистов без учета запросов рынка, порождает большую востребованность на рынке труда квалифицированных рабочих, чем специалистов с высшим образованием. В результате доступность высшего образования оказывается видимостью, поскольку не позволяет владельцу диплома получить престижную работу, занять соответствующую статусную позицию. Нереализованность жизненных целей, разочарование являются конфликтогенным фактором, причиной социальной напряженности. Расслоение общества как результат деятельности Администрации преобладает в сознании респондентов с бедственным (29,4%) и сложным (28,4%) материальным положением, нежели обеспеченных людей (12,1%).

Таким образом, полученные в ходе социологических исследований данные свидетельствуют об отсутствии у большинства населения ощущения улучшения жизни и, как следствие, о недоверии к областной Администрации, которая не может решить значимые для общества проблемы.

Восприятие власти носит персонифицированный характер. Отношение к институту власти влияет на отношение к лицу, его возглавляющему. Недоверие, вытекающее из оценки реального и желаемого качества жизни, неэффективных коммуникаций в системе «власть – общество», порождает низкую легитимность исполнительного регионального органа и его руководителям. Недоверие к действующему гу-

бернатору нашло свое отражение в результатах прошедших в декабре 2004 г. последних по действовавшей схеме выборов. Лишь 16% из числа потенциальных избирателей поддержали кандидатуру Н.Максюты, переизбранного на третий срок. Будет ли решена проблема доверия и легитимности региональной исполнительной власти в ходе административной реформы, покажет время.